И.И. ОРЛОВ

Доктор искусствоведения, профессор Липецкого государственного технического университета, член-корреспондент PAE, «Doctor of Science, Honoris Causa» IANH (Unated Kingdom — London), академик НАД РФ, член творческого Союза дизайнеров РФ

e-mail: igorlov64@mail.ru, kaf-tx@stu.lipetsk.ru

I.I. ORLOV

Doctor of Art Studies, Professor of Lipetsk State Technical University, member of International Academy of Natural History (Unated Kingdom — London). Doctor of Science, Honoris Causa, the member of the creative Union of designers of the Russian Federation. Russia, Lipetsk State Technical University

e-mail: igorlov64@mail.ru, kaf-tx@stu.lipetsk.ru

МОРФОЛОГИЯ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ И ФОРТИФИКАЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ XI–XIII вв.

MORPHOLOGY OF MEANS OF PROTECTION AND FORTIFICATION OF WESTERN EUROPE UNDER THE INFLUENCE OF CRUSADES OF THE XI–XIIIth CENTURIES

В статье рассматривается проблема диалектической пары «содержания и формы», которая всегда являлась одной из главных проблем любой проектной деятельности. Наиболее ощутимо подобные процессы можно отчетливо фиксировать в области развития морфологии вооружений и фортификации, поскольку последние являются зачастую наиболее востребованными в определенные эпохи развития. В качестве примеров автором берется развитие системы фортификации замков, возводимых крестоносцами в Святой земле и анализ морфологии защитного вооружения рыцарей, которые происходили под влиянием Крестовых походов в период XI–XIII вв.

In article the problem of dialectic couple «contents and forms» which was always one of the main problems of any design activity is considered. Most noticeably similar processes can be fixed distinctly in the field of development of morphology of arms and fortification as the last are often the most demanded during certain eras of development. As examples with the author development of a system of fortification of the locks built by crusaders in the Holy Land and the analysis of morphology of protective arms of knights who occurred under the influence of Crusades during the 11–13th centuries undertakes.

Ключевые слова: Крестовые походы, рыцарь, замки крестоносцев, фортификация, кольчуга, пластинчатые доспехи.
Keywords: Crusades, knight, locks of crusaders, fortification, chain armor, lamellar armor.

Введение

Проблема взаимоотношения диалектической пары «форма и содержание» является и всегда являлась одной из главных проблем осознанной проектной деятельности любой эпохи. Насколько идейно-художественные программы конкретной эпохи в целом способны были реализоваться отдельным автором в конкретную материальную форму или объект, настолько последний может демонстрировать степень художественно-эстетического и технического развития общества. Эта проблема всегда вставала тем острее, чем более серьезным религиозно-социальным трансформациям подвергается социум на «переломных моментах» своего исторического развития, поскольку именно в такие периоды весьма часто меняется не только технологическая или религиозно-философская составляющая, но и художественно-эстетическая парадигма всего общества. Наиболее ощутимо подобные процессы можно отчетливо фиксировать в области развития морфологии вооружений и фортификации, поскольку последние являются зачастую наиболее востребованными в определенные эпохи развития. Вооружение, развиваясь по своим диалектическим законам, становится неизбежным следствием извечного противостояния двух форм ведения войны (нападения и защиты).

Возникновение каждого нового вида наступательного оружия вскоре неизбежно приводит к ответному изобретению адекватного

средства защиты. Однако уровень и качество вооружения того или иного социума напрямую зависят от эффективности и уровня его культурного и экономического развития. Необходимость постоянного совершенствования организационно-технологической составляющей защитного и фортификационного вооружения во многом определяет уровень развития любого социума — его готовность отстаивать свою безопасность и диктовать окружающим свои политические и экономические интересы.

Постановка проблемы

Завоевание «Святой земли» (Сирии и Палестины) западноевропейскими крестоносцами в конце XI в. послужило мощным толчком к развитию защитного вооружения и фортификационного искусства, как на завоеванных землях Востока, так и на территории самой Западной Европы. С самых первых дней своего пребывания на Востоке сравнительно немногочисленные франки столкнулись с необходимостью в кратчайший срок укрепиться в гористой и пустынной стране, откуда опасный и сильный противник неустанно стремился сбросить их обратно в море. На протяжении почти двух столетий своего владения «Святой землей» (1099–1291 гг.) крестоносцы вели заранее обреченную на поражение напряженную борьбу, судорожно цепляясь за каждый клочок своих завоеваний. В этой суровой борьбе «креста с полумесяцем» решающим стратегическим фактором была малочисленность завоевателей — франков, которая должна была компенсироваться развитием фортификации и вооружения.

Актуальность

В этой борьбе «Запада с Востоком» фактором развития эффективных оборонительных систем стала малочисленность франков, что определило необходимость создания и развития особого архитектурного типа замка-цитадели (монастырь-цитадель, церковь-цитадель), и стратегические, композиционные и конструктивные особенности сооружений подобного типа. Именно в период длительной борьбы «креста и полумесяца» за обладание «Святой землей» франки освоили новые технологии и методы укрепления своих замков и церквей. Уже начиная с трудов Ж. Рей (baron G. Rey) [1] и М. Дьелафуа (M. Dieulafoy), можно довольно подробно проследить эволюцию военно-фортификационной архитектуры и строительной практики крестоносцев [2].

Исследовательская часть

Наибольших успехов в развитии фортификационного искусства Латинского Востока XII в., безусловно, достигли архитекторы военно-монашеских рыцарских орденов тамплиеров (храмовников) и госпитальеров (иоаннитов). Самое первое крепостное сооружение тамплиеров в Сирии — замок «Safita du Chastel-Blanc», имеющее в плане форму эллипса, концентрированного вокруг доминирующего над местностью донжона, датируется серединой XII века. С этой датировкой вполне согласны G.Rey (ouv. cit. P. 85–92) и Dieulafoy (art. cit. Mem. de l`Acad. Des Inscrip. et Bibl.-Lettres. T. 36, 1898). Именно в этом прямоугольном донжоне, доминанта которого и формирует весь фортификационный ансамбль замка, была расположена укрытая от нападений романская часовня (рис. 1, 2).

Замок Сафет (Safita), известный также как «Chastel-Blanc», находится в западной части Сирии, представляя собой крепость в проходе между средиземноморским Левантом и внутренней частью стра-

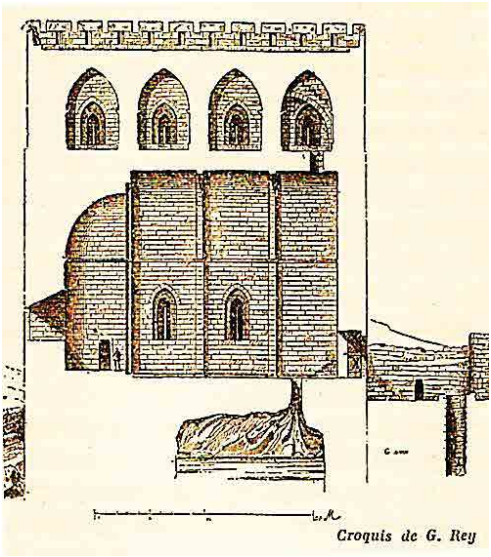

Рис. 1. Донжон и часовня замка крестоносцев «Safita ou Chastel-Blanc» в Сирии, втор. пол. XII в.

Рис. 2. Донжон, часовня (Chapelle-donjon) и план замка крестоносцев «Safita ou Chastel-Blanc» в Сирии (Syrie). Современный вид

ны (т.н. Хомском коридоре). Стратегическое значение замка возросло в эпоху Крестовых походов, поскольку именно здесь проходило укрепленное пограничье между христианским графством Триполи (сюзерен Раймонд IV Сен-Жиль граф Тулузский) и мусульманскими эмиратами Хамы и Хомса. Замок возвышается на вершине базальтовой скалы Джабал Нусайри на высоте около 400 м над уровнем моря. Севернее Сафет находился гористый регион, населенный мусульманами-исмаилитами, которые сохраняли свою автономию при условии уплаты крестоносцам немалой дани золотом и зерном. Для систематического контроля над этими территориями, для сбора и хранения дани в 1132 г. и был выстроен этот замок. В христианских хрониках он фигурирует под названием «Chastel Blanc», или «Castrum Album», что, по всей вероятности, является переводом средневекового греческого «Argyrokastron» («Белый Замок»). Современное его название является сокращением от арабского «Burdj Safitha» («Белая Башня»). Первоначально укрепления имели форму эллипса и охватывали вершину холма по периметру, причем стены были сложены из массивных каменных блоков и включали четырехугольные бастионы, наподобие укреплений Тартуса или Атлита. С наружной стороны укреплений в середине XIII в. был воздвигнут гласис и вырублен в скале 15-метровый ров. За первой линией обороны была устроена вторая. Чтобы проникнуть вовнутрь замка противнику приходилось прокладывать себе путь через четверо ворот, каждые из которых были укреплены башнями. Сердцем обороны являлся отдельно стоящий 28-метровый донжон, который представлял собой массивную башню прямоугольной формы. (рис. 2). Вокруг башни находились вспомогательные хозяйственные постройки, которые представляли собой жилища рыцарей и конюшни. Гарнизон замка насчитывал 50 рыцарей, хотя в лучшие времена здесь находилось до 700 воинов. По воспоминаниям современников, в замке также проживало множество ремесленников самых различных специальностей. В 1170 г. после мощного землетрясения замок был серьезно поврежден, а на следующий год разграблен войсками Нур-ад-Дина (Нуреддин), который на короткое время захватил замок, однако не сумел его удержать. Сафет вновь перешел в руки крестоносцев, но, поскольку восстановление разрушенных укреплений требовало огромных материальных затрат, граф Триполи передал замок Ордену Тамплиеров. Тамплиеры провели масштабную реконструкцию замка, восстановив заново внешний пояс укреплений, разрушенный в резуль-

тате землетрясения 1201 г. С 1270 г. султан Бейбарс начинает методичное уничтожение крепостей крестоносцев в северной Сирии, поэтому в 1271 г. Сафет — «Chastel Blanc», — подвергается осаде, и после короткого и отчаянного сопротивления замок был сдан, а уцелевшие защитники замка ушли в Тартус (Тортозу). Вход в башню находится с восточной стороны. Общая высота башни — 28 метров, размеры основания — 30 х 18 метров, толщина стен — 3 метра. Внутри башня состоит из трех уровней (рис. 1). На первом этаже находится часовня св. Михаила. Ее стены поднимаются на 17 метров в высоту и завершаются романским бочкообразным сводом. В восточной части зала находится полукруглая апсида и алтарь. Интересно, что наружная сторона башни плоская и ниша апсиды оказываются полностью утоплены в толще стены. Шесть узких окон, освещающих алтарь, больше походят на бойницы. В центре зала находится отверстие цистерны, вырубленной в скале под самой башней. В юго-западном углу часовни устроена лестница, которая ведет на верхний этаж (рис. 1). Высота зала здесь почти в полтора раза ниже первого. Свод зала поддерживается тремя парами колонн, а само помещение оказывается разделено на неф и две пристройки. При тамплиерах здесь находился зал совета «palatium». Как и в других принадлежавших Ордену постройках, в зале отсутствуют какие-либо элементы архитектурного декора. Лестница в западной части стены ведет отсюда на открытую верхнюю площадку башни. Парапет выполнен в виде зубцов с прорезанными в них бойницами для лучников. На верхней площадке башни, где постоянно несла службу стража, их взорам открывался панорамный вид на окружающую местность. Ночью посредством световых сигналов, а днем при помощи дыма обитатели замка могли связываться с соседними гарнизонами замков Крак-де-Шевалье и Арейхема. Другие Сирийские замки крестоносцев тоже иногда имели часовни, спрятанные (заложенные) в толщу крепостной стены, следствием чего являлось малое количество оконных проемов и слабое освещение культового интерьера. Согласно такой схеме, в частности, были сооружены укрепленные часовни замков госпитальеров Крак-де-Шевалье (Krak des Chevaliers) и Маргат (chateau de Margat). На территории Европы подобные новшества появляются несколько позднее и явно под влиянием фортификационных находок крестоносцев. Так на землях Лангедока мы также встречаем подобную планировку крепостной часовни, в частности, в цитадели Каркассона, возведенной уже при «Короле-крестоносце» Людовике IX Святом в XIII

в. Также схожую планировку, сочетающую фортификационные и культовые сооружения, можно встретить на территории Британии. Примером подобного фортификационно-композиционного решения является Лондонская «Белая башня», возведенная по приказу короля Вильгельма II Рыжего в 1077–1108 гг. епископом Рочестера Гундульфлом. Епископу Гундульфу также приписывается возведение большой башни замка Моллинг в графстве Кент (принадлежащей церкви св. Леонарда) и башни северной стороны хоров собора в Рочестере [3, p. 158].

Мы можем констатировать, что планировка интерьеров укрепленных часовен, встроенных в толщу крепостных замковых стен, была весьма разнообразна, поскольку строго установленная единая схема планировки отсутствовала. Некоторые замковые укрепленные часовни не имели апсиды, например, часовня замка Тортоза (Tortose), а некоторые, как, например, часовня замка Сен-Илларион-де-Кипр (Saint-Hilarion de Chypre), возведенная на обрывистой стороне второго крепостного пояса в толще стен, имела целых три апсиды. Сегодня наиболее старыми и наиболее типическими фортификационными сооружениями крестоносцев в Сирии принято считать замки: «Chastel-Blanc», «de Karak», «de Margat», крепость «de Tortose», поскольку именно в этих сооружениях в полной мере проявился «франкский» инженерный гений, который освоил и превзошел своих восточных учителей (византийцев и мусульман). Поставленные в силу необходимости перед проблемой контроля значительных территорий относительно небольшими отрядами, «франкские» архитекторы (и, прежде всего, конечно, военно-монашеские рыцарские ордена) вынуждены были искать и применять наиболее эффективные системы защиты в своих фортификационных и культовых сооружениях. Благо франкам было с кого и с чего брать пример, совершенствуя свои строительные навыки. Задолго до появления крестоносцев в Палестине и Сирии уже было построено сравнительно много крепостей и, прежде всего, конечно, римско-византийских (особенно в прибрежных городах). Все эти укрепления во многом сохранили особенности римско-византийской фортификации, в частности прямоугольные очертания античных планировок (хотя ими давно владели мусульмане). Первоначально франки существенно не меняли планировку мусульманских и византийских укреплений, сохранив крепости Мараш Арима, Жибле, Бонзай, Саон, причем последние два были перестроены еще Иоанном Цимисхием (969–976 гг.). Видимо, по этой причине многие из ранних

замков, построенных крестоносцами, особенно на Юге «Святой земли», мало чем отличаются от крепостей византийского типа. Причем, это справедливо относится не только к городским крепостям, но и к горным замкам крестоносцев, таким как Шастель-Руж и Бельвуар, которые расположены близ Тивериадского озера. В замке Шастель-Руж, построенном недалеко от Тартуса (Тортозы) в первой половине XII столетия, уже выделен мощный прямоугольный донжон, окруженный куртиной с прямоугольными башнями. На первом этапе, таким образом, можно констатировать, что там, где франки сохраняли византийско-мусульманскую планировку, они вынуждены были усиливать замок, вводя в систему обороны новый элемент — донжон. Естественно, что первое время, в соответствии с западноевропейской традицией, донжон располагался в центре укрепления [1].

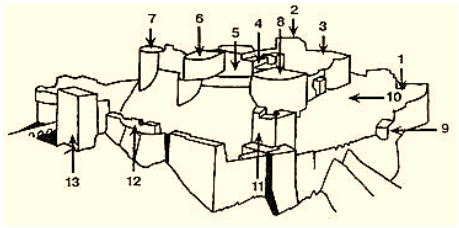

Рис. 3. Замок Крак-де-Шевалье. 1 — Барбакан. 2 — Северная башня. 3 — Часовня. 4 — Главный зал. 5 — Продовольственные склады. 6 — Южная башня. 7 — Северо-западная башня. 8 — Северо-восточная башня. 9 — Нижние ворота. 10 — Верхние ворота. 11 — Выступ. 12 — Конюшни. 13 – Прямоугольная башня

Наиболее совершенным сооружением подобного типа принято считать, безусловно, замок госпитальеров Крак-де-Шевалье (Krak-des-Chevaliers), воплотивший в себя всю тогдашнюю фортификационную науку Востока в творческой интерпретации латинского гения (рис. 3). Его стратегическое положение было особенно важным, поскольку он находился на изолированной вершине в северной части равнин Боке и контролировал район между двумя сильными городами Хомс и Хама, а также Хомский проезд, связывающий эту равнину, на севере которой — Тортоса, а на юге — Триполи, с долиной Оронта.

Первоначально передовым постом на этом пути была крепость Монферран, переходившая из рук в руки во время крестовых походов.

Напротив Крака был возведен замок Аккар более скромных размеров, служивший передаточным пунктом и входивший в систему обороны, усиленной с востока укреплениями тамплиеров Архас и Арима. Рядом были построены еще два сильных замка Шастель-Руж и «Chastel-Blanc», последний из которых был также в руках тамплиеров. Таким образом, могущество франков в Святой Земле покоилось на каменных замках, а их явная малочисленность компенсировалась за счет стен и башен, которые обеспечивали стратегическое превосходство и позволяли выдерживать тяжелые осады. Довольно длительный период развитие фортификационного искусства крестоносцев объяснялось мусульманским влиянием, и в истории искусства распространенным было утверждение, что военная архитектура на Западе есть плод «арабского или византийского» происхождения, поскольку она появилась в результате Крестовых походов. Первым историком и археологом кто позволил себе усомниться в этом, был Т.Е.Лоуренс («Лоуренс Аравийский»). Сегодня многие ученые признали справедливость его суждений и отдали должное крестоносцам за внедрение на Востоке системы обороны, которую они под давлением обстоятельств постоянно совершенствовали [1]. Замок Крак-де-Шевалье окружали две концентрические стены, трапециевидные в плане и охватывающие пространство в два с половиной гектара (рис. 3). Пять круглых башен в первой стене и четыре во второй с запада, а с восточной, менее доступной стороны, простые выступы обеспечивали активную оборону, и по стенам, за их зубцами, шла выложенная камнями дозорная дорожка. Здесь можно было содержать примерно две тысячи бойцов, и именно такова была численность гарнизона Крака-де-Шевалье в 1212 г., не считая сельских жителей округи, которые сбегались сюда в случае необходимости. После землетрясений в 1157 и 1170 гг. Крак де Шевалье был практически разрушен, и первоначальный план замка не дошел до наших дней. Работы по восстановлению замка начались в 1170 г. Ядро замка состояло из огромной треугольной галереи длиной 270 м и шириной в 9 м. В ней жили братья Госпитальеры, и она являлась укрепленной казармой, своды которой были изогнуты в виде стрельчатых арок, а по бокам были расположены пять квадратных башен. В 1170-х гг. в северо-восточной башне была построена часовня. Часовня со сводом цилиндрической формы снаружи выглядит, как слепая аркатура, отражая архитектурный религиозный стиль в средиземноморской Европе того времени (Лангедок и Прованс), и похожа на другие религиозные

постройки крестоносцев. (рис. 2). Весь центральный двор сооружения отведен под амбар, в котором, по словам современников, можно было хранить количество провизии, достаточное для 5 лет автономной жизни гарнизона крепости. Шестая башня, «башня для туалета», была построена на северо-западе крепости к 1190 г. В ней было расположено 12 «отхожих мест», и она соединялась со спальней братьев. Башня позволяла обеспечивать необходимые санитарные условия внутри замка на время длительной осады. Особое историческое значение этой башне придает тот факт, что в ней, в одной из первых среди строений европейцев, были сооружены машикули (галереи с навесными бойницами). Кроме того, башня скрывала потайной ход, который позволял защитникам замка неожиданно нападать с тыла на осаждающих. Сооружение второй крепостной стены началось в конце XII века. В 1202 г., после очередного землетрясения Крак де Шевалье снова укрепляется, однако уже не столько против атак мусульман, сколько против землетрясений. Таким образом, на южной и западной сторонах крепости создается гласис, скат. Он выполнял две основные функции: во-первых, он защищал внутреннюю стену от землетрясений, а во-вторых, в нем были проделаны бойницы для лучников. В это же время южная сторона замка претерпевает существенные изменения. Квадратные башни заменяют двумя круглыми башнями, а третья, в форме головы, сооружается в центре крепостной стены, западная башня также закругляется. В это же время внутренний двор также перестраивается, а с восточной стороны появляется дополнительная пристройка. В 1250 г. в «Святую землю» прибывает король Франции Людовик IX, вместе с которым прибыли и архитекторы, помогавшие строить укрепления. Возможно, именно с их помощью была построена вторая крепостная стена замка. Она была высотой в 9 м и расположена на расстоянии от 17 до 25 м от основной стены и защищена 12 круглыми башнями, согласно новым правилам военной архитектуры того времени. Стена была расположена ниже уровня центральных укреплений, что позволяло защитникам вести огонь одновременно с двух позиций. Попасть в пространство между двумя стенами можно было лишь через один вход на востоке. Чтобы попасть внутрь, необходимо было подняться по узкому лестничному маршу и несколько раз повернуть в тесном коридоре. Это было сделано, чтобы задержать нападавших, сделав невозможным использование тарана против центральных укреплений. Дормиторий (спальные покои) рыцарей, вероятно,

также принадлежит этой эпохе. Он прислонен к одному из сооружений внутреннего двора и очень похож на монастыри Иль-Де-Франс (d'Ile-de-France), что опят-таки указывает на то, что монастырь был построен архитекторами Людовика IX. На южной стороне внешней стены расположены конюшни. В большинстве помещений для людей и в конюшнях сделаны колодцы и цистерны для воды. О запасах воды на Востоке приходилось заботиться особо, поэтому здесь многие колодцы — 27-метровой глубины, а их верхние закраины хранят еще глубоко прорезанные следы веревок, служивших для поднятия воды. Девять больших цистерн — для сбора дождевой воды, стекавшей с крыш, откуда вода поступала в огромный, выложенный камнем бассейн (72 метра в длину и от 8 до 16 метров в ширину), служивший водопоем и местом купания людей. То, что осталось от «Замка рыцарей», достаточно хорошо изученного Полем Дешаном, и производит сильное впечатление. Хорошо сохранились стены, нетронутыми остались церковная капелла, большой зал и часть погребов, которые и дают нам представление о всем комплексе построек. Именно в этом большом зале замка Крак-де-Шевалье археолог Поль Дешан открыл надпись на латыни, муляж которой, как и макет самой крепости, хранится во Франции в Музее французских памятников:

Sin tibi copia, sit sapieutia formaque detur
Inquinat omnia sola superbia, si conitetr.

(Тебе богатство, мудрость, также красота,
Но только берегись все развращающей гордыни.) [7., с. 121].

В ветряных мельницах замка мололи не только хлеб, но и сахарный тростник, ибо сахар с XII в стал на Востоке использоваться в пищу. Печь и давильня обеспечивали пищу и питье, тогда как система водостока выводила наружу содержимое найденных двенадцати «отхожих мест». Галерея и Большой зал Крака-де-Шевалье (длиной в 120 метров) очень похож на залы капитулов цистерцианских монастырей, его двери и оконные отверстия выходили на крытую галерею, где летом под защитой толстых стен было прохладно и приятно. Капелла, в три пролета с раннеготическим сводами, и комната Великого магистра (в юго-западной башне второй стены) с их стрельчатыми тонкими колоннами поражают красотой французской ранней готики. (рис. 3). Все это просто, строго, лаконично и напоминает строительную манеру окситанских мастеров. Естественно предположить, что найденные и отработанные на

Латинском Востоке архитектурные формы и принципы, перенесенные затем в Европу, не могли не оказать существенное влияние на развитие культовой и фортификационной архитектуры вообще и архитектуры «eglises-fortifiees», в частности. Какой-либо иной серьезной причины объяснить появившиеся вдруг во Франции архитектурно-строительные концепции, давшие серьезные преимущества новым фортификационным постройкам перед другими современными им сооружениями, найти крайне затруднительно. По крайней мере, одними из первых фортификационных сооружений, снабженных системой непрерывных машикули, сегодня принято считать: соборы в Агде (d`Agde) и Магелоне (d`Maguelone), замок Люше (Lucheux) на Сомме (Somme), рядом с т.н. «воротами дю Буа» (porte du Bois), машикули донжона Ниор (de Niort) и донжона замка Шато Гайяр (Chateau-Gaillard). Интересно отметить, что замок Шато Гайяр, расположенный на берегу Сены, был возведен Ричардом I Львиное Сердце, почти сразу после возвращения короля из «Святой земли» в 1197–1198 гг. [4, p. 117]. Поскольку верхняя часть башни замка Шато-Гайяр не сохранилась до наших дней, сегодня трудно восстановить расположение ее внутренних помещений. Одно можно констатировать совершенно точно: для обороны башен замка Ричардом Львиное Сердце были применены инженерные сооружения, не характерные для Европы того времени, но которые стали широко применяться позже. Мы видим, что часть башни со стороны двора снабжена контрфорсами, сужающимися книзу и постепенно расширяющимися вверху. Расположенные таким образом, они делят стены башни на несколько ниш, соединенных между собой несколькими арками. Верхние части арок при этом поддерживают парапет. Верхняя часть каждой ниши между парапетом и стеной остается при этом открытой, что позволяло защитникам Шато-Гайяр использовать это пространство для применения метательного оружия (стрел, камней, кипятка и пр.) против атакующих снизу. Эти открытые пространства, представляющие собой как бы дополнительные вырезы в парапете башни или куртины (стены), собственно и получили название навесных бойниц «машикули» (от фр. «machicoulis»).

Еще одним прямым следствием Крестовых походов можно считать начало возведения откосов внизу каменной кладки, которые утолщали основание стен (куртин) и башен, укрепляя и защищая их от возможных подкопов. Подобный фортификационный элемент активной защиты мы встречаем уже в соборе Агда (d`Agde), на угловых контрфор-

сах укрепленной часовни замка Крюа (d`Cruas), а также под машикули замков Люше (Lucheux) и Шато Гайяр (Chateau-Gaillard). Однако в этот период времени подобные откосы практически отсутствуют в замке графов Фландрских в Генте, который был возведен Филиппом Эльзасским в 1180 г. Можно предположить, что французские архитекторы (руководствуясь опытом сирийских крепостей) видели в таких откосах средство для создания неконтролируемого рикошета, снарядов, попадающих на машикули или угловые башни под различными углами. Часовня замка Крюа (d`Cruas), сооруженная в XII в. монахами, позже уже в XIII в. была переоборудована ими в настоящий донжон, служивший им убежищем. Интересно, что часовня замка Крюа (слегка отклоненная от углового контрфорса) имеет форму, напоминающую выступающую навесную бойницу, которая защищала ворота колокольни Сен-Мартен де Канигу (Saint-Martin de Canigou). Появившиеся там (также как и в соборе Агда) угловые башенки (бартизаны) и крестообразные бойницы для стрельбы из лука, проделанные в парапете между двумя амбразурами, только дополняют это сходство культового объекта с военным сооружением. Фортификационные новации (непрерывные машикули, мерлоны с бойницами, откосы основания, угловые башенки-бартизаны), привезенные из Палестины и Сирии на юг Франции, позже, в XIII-XIV вв., находят свое применение при возведении крепостных стен замка Сен-Андре в Вильнев — д`Авиньон (из которого осуществлялось наблюдение за Папским замком на противоположном берегу Роны), при сооружении Папского дворца Авиньона (palais des Papes d`Avignon) [5, p. 110]. Сходство фрагментов крепостной стены Крак-де-Шевалье и стены Папского замка, описанное в работах Ж.Рея, неоспоримо [6, p. 52]. Еще долгое время спустя после Великих Крестовых походов архитекторы Франции остаются верными «старым схемам» моделей сирийских крепостей. Даже в XIV в. мы можем встретить сооружения подобного типа и в замках (Сен-Андре в Вильнев д`Авиньон) и в укрепленных церквях «eglises-fortifiees» Лавор (Lavaur), Бомонт-де-Ломань (Beaumont-de-Lomagne), соборе Ломбез (Lombez), ансамбле Епископского замка и собора Альби (donjon episcopal d`Albi), Сорез (Soreze) регион Тарн (Tarn) даже в XV веке. Несмотря на такое обилие натурных объектов данной эпохи, исследователи крестоносной архитектуры Латинского Востока, тем не менее, сталкиваются с рядом сложностей. Одной из главнейших, в частности, из них является тот факт, что однозначно классифицировать по иконографическим

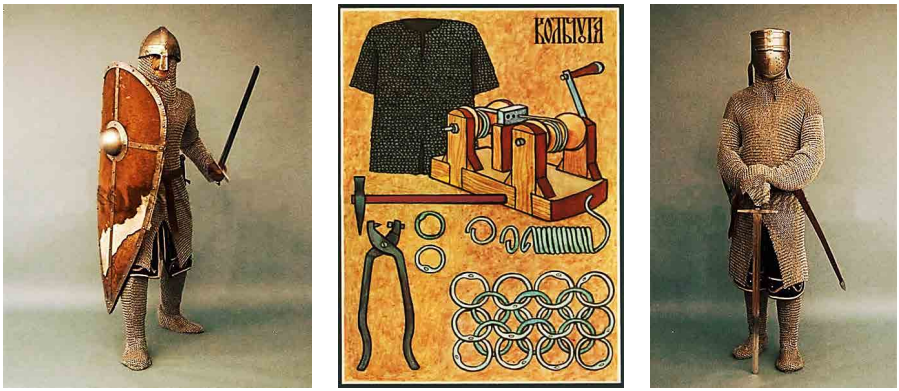

Рис. 4. Кольчуга (mail) XI–XII вв.

и морфологическим признакам фортификационно-культовую архитектуру Латинского Востока довольно сложно. И этот факт отмечают значительный ряд исследователей, например, Г.А.Саркисиан справедливо отмечает: «Эволюция средневековой крепостной архитектуры плохо поддается принятой периодизации с делением ее на романскую и готическую эпохи. Это крайне затрудняет не только датировку по морфологическим признакам, но и анализ географической и хронологической последовательности развития идей в крепостном зодчестве» [7, с. 101].

Непосредственно под влиянием Крестовых походов активизируется процесс дальнейшего развития формообразования и совершенствования защитного вооружения франков. Еще в эпоху раннего Средневековья, примерно за столетие до Крестовых походов, в Европе уже активно используется «кольчатая броня», изготавливаемая первоначальной из плоских колец, нашитых на кожаную основу, а в дальнейшем под термином «кольчуга» (mail) понимается защитный доспех, изготовленный целиком из переплетенных стальных колец, который обладал достаточной прочностью чтобы защитить своего владельца от режущих ударов. Технология кольчуги достаточно хорошо описана в источниках. Она изготавливалась из железных колец, которые делались из специальной проволоки-спирали, получаемой методом протяжки. Кольчужные рубахи, капюшоны, чулки, гольфы, перчатки изготавливались по принципу «вязания», увеличивая или уменьшая число колец в ряду и число самих рядов. Уже во время нормандского завоевания Англии в

1066 году защитное вооружения всадника состояло из кольчуги или «хауберка», шлема и миндалевидного щита, оружием служило копье и меч, причем конусообразные или яйцевидные шлемы рыцари продолжали использовать вплоть до второй половины XII века. Согласно описаниям, «хауберк» доходил почти до колен, а также имел специальный разрез спереди и сзади от подола до паха для удобства верховой езды, широкие рукава до локтей. Уже к 1100–1130 гг. среди европейских рыцарей появилась тенденция удлинять хауберк до икр, но к середине XII столетия, явно под влиянием Крестовых походов, кольчуга вновь возвращается к прежней длине (до колен). Сверху «хауберк» имел кольчужный капюшон, закрывающий голову и шею, на который затем одевали конический или яйцевидный шлем с защитной пластиной. Под кольчугу специально поддевали кожаную или простеганную и подбитую ватой нижнюю одежду [8, с. 77].

На изготовление одной кольчуги уходило примерно 600 метров стальной проволоки. Эту металлическую спираль разрубали по одной стороне и получали круглые разомкнутые кольца одинакового диаметра, причем часть колец сваривали, а у части колец расплющивали концы, и затем в этих местах пробивали сквозные отверстия. В дальнейшем эти отверстия скрепляли специальными штифтами и заклепывали. Далее шел процесс непосредственной сборки кольчуги, когда каждое разомкнутое кольцо соединялось с четырьмя сварными (цельными) и затем заклепывалось уже на вплетенном в кольчугу кольце. Весь процесс сборки требовал большого умения и кропотливой точности. Иногда для красоты в общую массу стальных колец вплетали ряд-другой медных (для красоты). После сборки кольчуги ее чистили и шлифовали до блеска, общий вес собранной кольчуги составлял около 6,5 килограмм. Кольчужный доспех достаточно хорошо защищал своего владельца от последствий режущих и рубящих ударов, но гибкая кольчуга не могла защитить от ушибов и переломов [9, с. 384].

В ходе многочисленных боевых столкновений крестоносцев с тюрками-сельджуками, арабами, византийцами франки столкнулись как с более высокими технологиями обработки металла (дамасский булат), так и с новыми формами защитного вооружения — доспехами из металлических пластин, который именовался «панцирь» или «броня» и шлемами с забралом, полностью закрывавшими лицо от стрел и дротиков. Первоначально броня изготавливалась из прямоугольных выпу-

Рис. 5. Византийский тяжеловооруженный всадник «катафракт». Панцирь из пластин — А, и из чешуи — Б. Конный восточный воин тюрок-сельджуков в пластинчатых доспехах

клых пластин с техническими отверстиями по краям. В эти отверстия протягивали кожаные ремни, которые и притягивались пластинки друг к другу, создавая целостное пластинчатое металлическое покрытие (рис. 5-А). Однако уже примерно с XI века на Востоке появляется другой тип панциря — «чешуйчатый», который затем, к XIII–XIV вв., стал весьма распространенным по всей Европе. Пластины такой брони крепились к кожаной основе с одной стороны и фиксировались специальными заклепками в центре. На Руси такие брони назывались «дощатыми», поскольку внешним видом они напоминали выпуклые дощечки. Позднее, явно под влиянием греческого языка, такие «дощатые» доспехи и стали называть «панцирь» (рис. 5-Б).

Малочисленным отрядам европейских рыцарей почти сразу же становится очевидным необходимость срочного совершенствования своего защитного вооружения, которое должно было, по крайне мере, не уступать оружию воинов Ислама. Первоначально к кольчужным чулкам «шоссам» оружейники добавили «наколенники» — пластины, защищающие колени, позднее, около 1230 г., уже всю переднюю часть голени стали прикрывать легкими металлическими пластинами, которые назывались «полупоножами». И лишь приблизительно с 1300 г. рыцари все чаще стали использовать полностью «закрытые поножи», которые изготавливались из двух пластин, одна — для передней части голени, а вторая — для задней. Между собой пластины соединялись петлями на

Рис. 6. Трансформация морфологии защитного вооружения западноевропейских рыцарей XI–XIII вв.

наружной части голени и застегивались с помощью пряжек и ремней на внутренней стороне [9, с. 389]. Весьма трудно с точностью определить, когда в Европе стал массово использоваться бочкообразный шлем цилиндрической формы с плоским верхом и забралом с прорезями для глаз и вентиляционными отверстиями для дыхания. По крайней мере, изображение одной из разновидностей такого шлема можно встретить на второй печати короля-крестоносца Ричарда Львиное Сердце, датированное примерно 1198 годом. Во всяком случае, уже к Третьему Крестовому походу 1189–1192 гг. шлемы подобного типа вошли в обиход, а после 1200 года они нашли широкое применение [8, с. 79]. Такие шлемы, подбитые изнутри ватой, носили поверх кольчужного капюшона «коифа», который, в свою очередь, натягивали на подбитый ватой и простеганный капюшон из ткани. Для защиты верхней части стального шлема от жарких солнечных лучей его покрывали легкой тканью «наметом», который впоследствии стал одним из основных геральдических симво-

лов. Примерно с 1190 года поверх кольчужных хауберков стали одевать полотняную одежду чем-то похожую на ночную рубаху, которая служила защитой от палящих солнечных лучей и дождей Востока. Позднее эту полотняную верхнюю одежду стали также украшать геральдическими символами владельца.

Выводы

Подводя итоги и суммируя все новации в западноевропейском защитном вооружении конца XII — начала XIII в. (примерно с 1190 по 1260 г.), можно достоверно утверждать, что модифицированные доспехи эпохи Крестовых походов состояли из кольчужного «хауберка» с неизменным кольчужным капюшоном «коифом», рукавами и рукавицами. Хауберк, как и прежде, представляет собой длинную до колен кольчужную рубаху, причем шейное отверстие застегивалось клапаном или затягивалось шнурком. Примерно после 1175 года рукава многих кольчуг стали завершаться кольчужными «варежками», которые натягивали на руки во время сражений. Эти «варежки» представляли собой кольчужные мешочки, с отдельным карманчиком для большого пальца, причем ладонь бойца оставалась незащищенной. Ноги были прикрыты кольчужными чулками «шоссами», с пластинчатыми наголенниками. Под термином «шлем» в этот период времени понимают полностью закрытый цилиндрический головной убор, со всевозможными вариантами оформления верхней его части. Большой нормандский щит миндалевидной или треугольной формы приблизительно с 1180-х годов уменьшается в размерах и представляет собой удлиненный треугольник (хотя вплоть до 1220–1230 годов встречаются и округлые верхние углы) [8, с. 79]. Дальнейшее развитие защитного вооружения западноевропейского рыцаря становится уже напрямую связанным с постепенной заменой цельного кольчужного «хауберка» на составные латные доспехи (кирасы, зерцала, наручи, налядвенники и пр.).

Список литературы:

1. *Rey G.* Etude sur les monuments de l`architecture militaire des Croises en Syrie dans l`ile de Chypre. — Paris, 1871 (Collect des documents de l`Histoire de France).

2. *Dieulafoy M.* Le chateau Gaillard et l`architecture militaire au XIII siècle. — Paris, 1898 (Memoires de l`Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. T. 36, 1898).

3. *Diehl Ch.* Manuel d`art byzantine, 182–185 / A.Angle. L`eglise Saint-Michel de Castelnau-Levezon (Bull. Monum. Vol. 77). — 1913. — P. 231–239.

4. *Mersier M.* Albert. Hourds et machicoulis // Bull. Monum. — 1923. — Vol. 82. — P. 117–129.

5. *Rey R.* Les vieilles eglises fortifies du Midi de la France. — Paris, 1925 — P. 110–111.

6. *Digonnet F.* Le Palais des Papes d`Avignon. — d`Avignon, 1907; Labande L.H. Guide du Congres archeol. D`Avignon. T. I. — d`Avignon, 1909. — P. 52–80.

7. *Орлов И.И.* Богословие в камне. Укрепленные церкви Окситании X–XV вв. [Монография] / И.И.Орлов. — Москва: МГХПА им. С.Г.Строганова, 2016–516 с.: ил.

8. *Келли Френсис, Швабе Рэндольф.* История костюма и доспехов. От крестоносцев до придворных щеголей / перевод с английского Т.Е.Любовской. — Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 216 с.

9. *Окшотт Э.* Оружие и воинские доспехи Европы. С древних времен до конца Средневековья. — Москва: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 703 с.

10. *Стоун Дж.* Большая энциклопедия оружия и доспехов. Оружие и доспехи всех времен и народов. — Москва: АСТ: Астрель, 2010.

11. *Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. — Москва: Молодая гвардия, 2006.

12. *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Средневековье. Новое время / перевод с немецкого. — Смоленск: Русич, 2003. — 632 с.: ил.